

Н.У. Ярычев,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТРЕНДОВ

Статья посвящена осмыслению специфики современной мемориальной культуры Чеченской Республики, степени ее интегрированности в актуальные цифровые и информационные практики, значимости традиционного национального-культурного компонента, глубине консервативности и открытости.

Ключевые слова: мемориальная культура, прошлое, культурная память, мемориальная культура Чеченской Республики.

N.U. Yarychev,
A.A. Kadyrov Chechen State University

CHECHEN REPUBLIC MEMORIAL CULTURE IN THE CONTEXT OF INFORMATION AND DIGITAL TRENDS

The article is devoted to understanding the specifics of the modern remembrance culture in the Chechen Republic, the degree of its integration into current digital and information practices, the significance of the traditional national-cultural component, the degree of conservatism and openness.

Keywords: memorial culture, past, cultural memory, memorial culture of the Chechen Republic.

Феномен мемориальной культуры является достаточно востребованным в современной гуманитарной практике. Однако различные авторы трактуют его по-разному. Поэтому мы предлагаем собственное определение мемориальной культуры, позволяющее конкретизировать ее сущностное наполнение. Так, под мемориальной культурой понимается совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности, имеющих место в конкретном обществе в конкретный период его существования [1, с. 55].

В течение 2021-2022 гг. мы изучали современную мемориальную культуру Чеченской республики. В качестве исследовательского инструментария

выступали методы глубинного интервью (90 человек) и нарративного анализа (тексты публичных выступлений Президента Чечни Р. Кадырова, официальные государственные документы в сфере политики памяти, современные чеченские фильмы). Апробация данных методов позволила нам сформулировать особенности современной чеченской мемориальной культуры в целом и в контексте актуальных информационно-цифровых трендов, в частности.

Во-первых, это традиционность и консервативность – ориентация на те формы взаимодействия с прошлым, которые можно назвать органичными в отношении национальной культуры, укорененными в образе жизни, актуализируемыми в повседневном укладе. Несмотря на галопирующие темпы развития информационно-цифровых технологий, общего социокультурного обновления, чеченская мемориальная культура выступает в роли механизма, сохраняющего, поддерживающего традиционные представления о прошлом, способы его интерпретации и воспроизводства. При такой роли традиции в современной чеченской культуре, в том числе и мемориальной, наблюдается сниженное внимание к современным, цифровым, виртуальным формам мемориализации, а иногда и полное отрицание их. Так, апеллируя к данным глубинного интервью, можно отметить, что 78 % респондентов негативно или с сомнением относятся к таким актуальным виртуально-цифровым формам мемориализации, как виртуальные кладбища и специализированные мемориальные сетевые сообщества.

Во-вторых, доминирование двух четко проявленных смысловых векторов – милитаристского и религиозного – отражается и в официальном мемориальном нарративе, и в представлениях «обычных» чеченцев, и в персонифицированном срезе мемориальной культуры, и в ее топографическом измерении. Такие доминанты более чем объяснимы, прежде всего, с точки зрения исторического бэкграунда развития чеченского народа, который формировался и развивался как сообщество воинов (воинские ценности до сих пор являются чрезвычайно значимыми) и всегда был теснейшим образом связан с исламом, пронизывающим все сферы жизни чеченцев (ценностные установки, мировоззрение, бытовой уклад и пр.).

Третья особенность – консолидированность. Современная чеченская мемориальная культура отличается общей согласованностью позиций различных акторов относительно базовых установок в отношении прошлого: о его значимом аксиологическом статусе, высоком идентификационном потенциале, ресурсности в созидании будущего (прошлое позиционируется не столько как самоценность, но как основа для построения будущего), о приемлемости

различных форм взаимодействия с ним, содержания его персонификационного, топографического, деятельностного измерений и пр.

Четвертое – локальное центрирование. Все элементы мемориальной культуры (нарратив, нейминг, искусство, музейная деятельность, персонификация, семейная мемориальная активность и пр.) ориентированы на национальную историю, современность, традиции, бытовой уклад, выдающихся личностей, на сохранение памяти о них и их актуализацию. Такая позиция не отменяет интереса и уважения к культурам других народов (это отдельно прописывается в важнейших программных документах), но подчеркивает значимость собственной мемориализации культуры. Интерес к истории страны на низовом (чтение исторической литературы в кругу семьи, мемориальный туризм) и официальном (программы поддержки музеев, языка, исторических исследований и пр.) уровнях, присвоение улицам имен выдающихся чеченцев, сохранение их в народной памяти, обращение к знаковым событиям прошлого чеченского народа в художественном пространстве, сохранение национальных традиций и обычаев, почтительное уважение к старшим, к семейной генеалогии – все это в совокупности позволяет говорить о том, что В. Шнирельман называл мемориальным этноцентризмом [2, с. 12].

Приватность и коллективность также проявляются на различных уровнях бытования мемориальной культуры и конкретизируется в следующих позициях: низкая популярность официальных коммемораций на фоне высокой востребованности семейных практик поминовения, скептическое отношение к внешним, демонстративным проявлениям мемориальной деятельности, ориентированность на приватность и даже интимность взаимодействия с прошлым в границах узких групп (родные, жители села, прихожане одной мечети), доминирование социальных форм мемориализации над личными и пр.

Под эффективностью мемориальной культуры мы понимаем высокую степень разделяемости официального мемориального нарратива (то есть совпадение базовых установок политики памяти и ее реципиентов, обычных людей), высокий уровень социальной мемориальной солидарности (отсутствие конфликтности в оценке респондентами значимых мемориальных явлений, объектов, процессов; отсутствия выраженных контркультурных позиций).

Достижение такого рода мемориального консенсуса – чрезвычайно трудно выполнимая задача в условиях общего высокого уровня социальной неоднородности и конфликтности. В случае с чеченской мемориальной культурой он фиксируется и в интерпретации прошлого как ресурса настоящего и будущего (нет ностальгического западания настроений «обычных» чеченцев,

есть четкая установка на созидание и преодоление существующих проблем), и в синтетическом понимании прошлого одновременно и как арены исторических событий, и как источника культуры, ценностей, смыслов, символов, самобытности, и в стремлении преодолеть «темпоральные разрывы» (неизбежную дистанцию между прошлым и настоящим), обеспечить межпоколенные скрепы посредством традиций и обычаев национальной культуры, и в равномерной аксиологизации истории (признание прошлого ценного на всех этапах его фактологической репрезентации).

В целом прошлое остается значимой ценностной доминантой, определяющей не только содержание мемориальной культуры, но и актуального социокультурного пространства в целом, несмотря на интегрированность чеченской культуры в современные технологии и виртуальные практики. О.С. Павлова такую роль истории и прошлого для современных чеченцев обозначила емко и лаконично: «Каждый чеченец – историк» [3, с. 41].

Список литературы:

1. Ярычев Н.У. Государственная мемориальная политика Чеченской Республики: анализ стратегических направлений // Вестник культуры и искусств. 2022. № 2 (70). С. 55-61.
2. Шнирельман В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Издательство Новое литературное обозрение. 2006. 696 с.
3. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: ООО «Сам Полиграфист». 2013. 558 с.